

Роза Х. ТУГУШЕВА

Санкт-Петербург

Коннотации растительной лексики как отражение картины мира (чешский лес)

В системе каждого языка находит отражение связь лексических единиц не только по линии их денотативных значений, но и по их коннотациям.

Систему коннотаций каждого языка можно соотнести с языковой картиной мира (ЯКМ), изучению которой в последнее время уделяется значительное внимание.

Представление о ЯКМ на сегодняшний день еще не устоялось в лингвистике полностью. Одни ученые понимают ЯКМ довольно широко, другие считают, что „не все в системе языка имеет отношение к картине мира, так как не все в языке направлено на отображение познавательных и ценностных концептов” (Радбиль 1995, с. 434). Следовательно, изучение лексики в рамках ЯКМ связывается с особенностями концепта, который определяется как „дискретная, содержательная единица коллективного сознания, отражающая предмет реального или идеального мира и хранимая в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде” (Бабушкин 1998, с. 12).

ЯКМ отражает главным образом не процесс называния человеком объектов реального мира, а процесс познания им объективной действительности через ословленные объекты. ЯКМ демонстрирует работу самого языка, показывает, как в языке происходит лексическая объективация духовного, т.е. того, что нельзя увидеть, услышать или потрогать руками. ЯКМ имеет дело, по выражению Арутюновой, с „образами языка, запечатленными в самом языке” (Арутюнова 2000, с. 7).

В ЯКМ слова входят преимущественно в своих фигуральных значениях, которые формируются, в частности, в результате метафорического переноса наименования с одного денотата на другой. Вторичная номинация служит одним из основных способов выражения аспектов духовного миропонимания человека.

С развитием в слове переносного значения связано изменение его стилистической характеристики, которая отличается „свободной вариативностью и широкой комбинированностью, проявляющимися в дискурсе” (Яковлев 1991, с. 114). Стиль, по мнению Ф. Мико, это не только дифференцирующий, специфицирующий аспект текста и его ценности, но и цементирующий его фактор, что „позволяет поднять его до уровня содержания и рассматривать как глубинную концепцию того содержания, которая рождается вместе с ним” (Miko 1976, с. 22–23).

Глубинную основу высокого стиля, наряду с другими конституирующими его параметрами, составляет чувство восторга, патетики, приподнятости и пафоса, что в значительной степени присуще словам, в лексикографической практике до сегодняшнего дня именуемым книжными словами. Книжные слова относятся главным образом к сфере письменного языка, который и зародился у славян прежде всего для выражения веры, т.е. духовного содержания, которое сначала у них передавалось другим (старославянским) или вообще даже чужим (латинским) языком. Выражение чего-либо высокого или возвышенного у славян, таким образом, проходит путь от использования самостоятельного, но чужого языка до растворения в своем собственном литературном языке, где высокие слова выступают одним из основных средств эстетизации текста. „Патетическое слово и его образность, – пишет Бахтин, – родились и сформировались в далеком (от слова *даль*) образе и органически связаны с ценностно-иерархической категорией прошлого” (Бахтин 1975, с. 207). На связь выражения категории высокого с прошлым указывают также чешские стилисты, которые отмечают, что нормы, сформиро-

вавшиеся, например, в поэтическом языке, складывались на протяжении веков (Chloupek a kol. 1990, с. 240).

Формирование средств выражения высокого чувства, приподнятости духа происходит в языке каждого народа под воздействием того, что видят его носители вокруг себя. Это прежде всего – окружающая природа. „Живя в гармонии с окружающей природой, – отмечает исследователь Гусев, – народ-автор заимствует у нее наиболее значимые элементы в качестве образов и символов – средств создания художественной реальности” (Гусев 1995, с. 146).

В общественном духовном сознании чехов широко отражен, например, растительный мир окружающей их природы и прежде всего лес.

Леса во времена первого чешского хроникера Космы (1045–1125) покрывали большую часть чешской земли. Они простирались не только по пограничью, но заполняли собой также необъятные пространства внутри страны, так что для жилья людям оставались лишь более или менее обширные равнинные участки, отделенные друг от друга все теми же лесами (Třeštík 1975, с. 10).

Основным средством выражения понятия [ЛЕС] в современном чешском языке выступает слово *les* с одним значением ‘единый массив хвойных и лиственных деревьев’, переносным употреблением в значении ‘много’ и целым рядом устойчивых оборотов фразеологического и паремиологического характера, но ... лишенное каких-либо высоких коннотаций. В противоположность этому современное чешское слово *bor* является высоким наименованием леса вообще. В основном своем значении *bor* – это преимущественно сосновый лес, с чем согласуется и его форма, связанная с наименованием сосны – *borovice*. Однако кроме этого для каждого чеха в настоящее время *bor* – это не только сосновый лес или лес вообще, но и национальное богатство, неотделимое от их существования. В сознании носителей чешского языка слово *bor* сопряжено с возвышенным чувством, исходящим из высокой оценки леса в их жизни. Выбор

оценки субъектом, как считают исследователи, связан с определенной шкалой ценностей, принятой в данном обществе, и часто зависит от менталитета нации и отдельного человека (Миронова 1995, с. 344). Оценка находит отражение в соответствующем дискурсе. Закреплению в сознании чехов за словом *bor* признака высокости способствовало, по всей вероятности, употребление его в тексте гимна Чешской Республики, написанного в первой половине XIX в. их национальным писателем и поэтом Й.К. Тылом (1808–1856): *Voda hučí po lučinách, b o r y šumí po skalínách*, так как самый полный на сегодняшний день законченный исторический словарь чешского языка, составленный Й. Юнгманом, который выходил в 1835–1839 гг., еще не фиксирует высокой коннотации у слова *bor*.

В отличие от *bor*, которое в значении ‘сосновый лес’ функционирует и в общеупотребительном чешском языке, использование слова *luh* (чаще в форме множественного числа – *luhy*) в настоящее время ограничено специальными сферами: в двух значениях ‘луг’ и ‘край, земля, страна’ оно характеризуется как книжное, а в значении ‘лес на болотистой почве’ выступает как ботанический термин. В чешском языке, в отличие от русского (*луг*), существует также стилистически нейтральное наименование участка земли, покрытого травянистой растительностью – *louka*. Разные, как считают этимологи, по происхождению *luh* (от **lag* ‘низкое место’) и *louka* (от **lęk* ‘изгиб реки’) (М 341, 343) тем не менее в процессе исторического развития семантически сближались, чему способствовала прежде всего близость самих природных объектов, воспринимаемых взором человека, – водного течения и береговой суши при нем. Вместе с тем уже в древнечешский период, вероятно, намечается и стилистическая дифференциация между *luh* и *louka*, так как слово *luh* чаще, чем слово *louka* используется в переводах с латыни, которая была первым литературным языком у чехов. В чешских переводах наименование *luh* выступало эквивалентом слова *lucus*, которое в латинском языке обозначало священную рощу и могло использоваться

как поэтизм по отношению к лесу вообще (Д 603). Наметившаяся стилистическая особенность слова *luh*, по сравнению с *louka*, нашла отражение в самом древнем памятнике чешской письменности – *Далимиловой хронике*: *Ach, běda skutka mého, že jste vy pro mě v tej nízi a jsú pro mne váši domové hustí luzi* (ДХ 20). Увидевшая свет в конце XIII в., *Далимилова хроника* в настоящее время имеет то же значение для чехов, что *Слово о полку Игореве* для русских. Памятник проникнут высоким патриотическим духом чешского народа. На всем протяжении истории к нему обращали чехи свои надежды на спасение в минуты угрозы национального порабощения, вследствие чего *Далимилова хроника* сегодня изучается в каждой чешской школе.

Таким же высоким пафосом окрашено употребление слова *luh* в стихотворении чешского поэта В.Й. Сладека *Má vlast* (‘моя родина’): *Můj rodný kraj je česká zem. Můj domov – české luhy. A kraj ten chovám v srdci svém, jak v světě žádný druhý*. Подобно *Далимиловой хронике*, это поэтическое произведение также носит хрестоматийный характер и откладывается в памяти каждого чеха со школы.

Наконец, классик чешской музыки Бедржих Сметана ввел слово *luh* в название одного из своих симфонических произведений – *Z českých luhů a hajů*, в котором он передал звуки родной природы, услышанные им в чешских лесах и рощах.

Таким образом, в общественном сознании чехов слово *luh* ассоциируется с понятием родины, отечества, которое наиболее ярко передается такими сочетаниями, как *české luhy* или *domácí luhy* для обозначения своей страны и наоборот, *cizí luhy* как ‘чужбина’. Помимо этого для слова *luh*, в отличие от *louka*, характерна его соотнесенность с пространством, со сферой, где проявляются и раскрываются творческие духовные потенции человеческой личности. Данное переносное употребление слова *luh* реализуется в таких контекстах, как *luhy života*, *luhy poezie*, *literární luhy*, что сродни отчасти употреблению слова *нива* в русском языке.

По аналогии с *luh*, вероятно, возвышенная коннотация со временем распространилась также и на производное от *louka* – *lučina*, которое, наряду с *bor*, Й.К. Тыл выбрал для своего патриотического текста, ставшего вербально-музыкальным символом его родины: *Voda hučí po lučinách, bory šumí po skalínách*, что служит также и подтверждением древнейшей смысловой близости *luh* и *louka*.

Чешское слово *hvozd* сегодня в прямом значении соотносится с густым лесом. Как высокое книжное наименование оно обозначает лес вообще. В отличие от *bor* или *luh*, *hvozd* не связано в национальной памяти чехов с каким-то определенным дискурсом. Тем не менее в сознании носителей чешского языка оно живет как стилистически приподнятое, книжное слово. Высокое чешское слово *hvozd* обозначает большой густой лес, навевающий ассоциации с длительным преодолением препятствий на пути по такому лесу, что само по себе уже достойно быть возвеличенным и воспетым. Вместе с тем стилистическая высота у слова *hvozd* могла появиться от тематической близости его с другими словами, имеющими по происхождению отношение к лесу.

Среди таких наименований в чешском языке выделяется прежде всего глагол *klestít*, обозначающий в своем исходном осмыслении ‘обрубить, обрезать ветки’. В этом основном первичном значении глагол *klestít* соотносится с поведением человека, проходящего сквозь густой лес и прокладывающего себе дорогу путем устранения с пути сучьев и ветвей. Перенос этого глагола из ‘лесной’ сферы в сферу общественной жизни способствовал появлению у глагола *klestít* значения ‘прокладывать путь, быть первопроходцем’, освященного высоким гражданским пафосом, например, *klestít cestu pokroku* ‘прокладывать путь прогрессу’.

Как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, ‘наши культурные ценности существуют не изолированно друг от друга, а образуют согласованную систему вместе с метафорическими понятиями’ (Lakoff, Johnson 1980, с. 67). Не исключено, что к лесу по своему происхождению имеет отношение также и другой современный

книжный чешский глагол – *razít* с той же прямой и переносной семантикой, что и у глагола *klestít*. Импульсом для прямого значения *razít* ‘прокладывать путь в лесу’ могло послужить существительное *ráz* в устаревшем в настоящее время значении ‘удар’, т.е. первоначально выражение *razít cestu* могло соотноситься с прокладыванием пути в лесу ударами топора. Сегодня для функционирования глагола *razít* характерно то же самое переносное употребление, что и для его синонима *klestít*, например, *razít cestu nové myšlence* ‘пробивать дорогу новой идее’, *nový umělecký směr si razí cestu* ‘новое художественное направление пробивает себе дорогу’ (SSJČ 3, 25). Интересно отметить, что глагол *klestít* в представленном выше переносном употреблении еще не находит отражения в словаре Й. Юнгмана, точно так же, как и *razít*, раньше которого признак нового абстрактного значения обнаруживает причастная форма *ražený* в сочетании *ražená cesta* ‘проторенный путь’: *Máš cestu raženou, aby se na změň oddal. – Zabloudili jsme, když jsme se z ražené cesty uchýlili* (J 3, 803). Появление двух высоких слов для выражения абстрактного понятия прокладывания пути свидетельствует об актуальности для чешского народа идеи борьбы за национальное освобождение, волновавшей умы передовой чешской интеллигенции в середине XIX в., находившей в своем языке оригинальные средства для ее выражения.

Линия семантико-стилистического развития от темы леса к выражению идеи борьбы, отмеченная для глаголов *klestít* и *razít*, просматривается в чешском языке также у стилистически высокого прилагательного *trnitý* ‘тернистый’, например, *trnitá cesta* ‘тернистый путь’.

На связь с растительным миром с целью выражения понятий, соотносимых с духовной сферой, указывают в чешском языке и такие книжные наименования, как например, *haluz* ‘ветвь’, манифестируемое сочетаниями *haluz rodu* или *haluz národa*, *býlí* ‘сылье’ от *býl* ‘стебель’ или *býlí* ‘растение’, *třeskot* в сочетании, например, *třeskot zbraní* ‘звон оружия’, восходящее к звукоподра-

жательному *třesk*, в котором слышится и лесной треск, и хруст, ср. также *tříška* ‘репка’, *rozštěp* ‘раскол’ и др.

Таким образом, изучение прагматики и культурных функций слов, обозначающих природу, выявляет особенности организации языковой картины мира, которая показывает, как происходит приспособление лексикона к объективации духовного мира носителей определенного языка.

Библиография

- Арутюнова Н.Д., *Наивные размышления о наивной картине мира*, [в:] *Язык о языке*, под ред. Н.Д. Арутюновой, Москва 2000.
- Бабушкин А.П., *Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика*. Автореферат докторской диссертации, Воронеж 1998.
- Бахтин М.М., *Вопросы литературы и эстетики*, Москва 1975.
- Гусев Л.Ю., *Метафорическое наименование фольклорного героя как способ выражения эстетического идеала*, [в:] *Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы*, Москва 1995, т. 2.
- Миронова Н.Н., *Об изучении оценочного дискурса в современной лингвистике*, [в:] *Лингвистика на исходе...* т. 2.
- Радбиль Т.Б., *Языковая картина мира как коррелят классической дихотомии «язык–речь»*, [в:] *Лингвистика на исходе...*, т. 2.
- Яковлев С.В., *Взаимодействие когнитивного и стилистического компонентов в значении слова*, [в:] *Когнитивные аспекты лексики*, Тверь 1991.
- Chloupek J. a kol., *Stylistika češtiny*, SPN, Praha 1990.
- Lakoff G., Jonson M., *Metaphors we live by*, The University of Chicago Press, Chicago–London 1980.
- Miko F., *Štýlové konfrontácie*, Edícia Studia literaria, Bratislava 1976.

Сокращения

- Д Дворецкий И.Х., *Латинско-русский словарь*, Москва 1976.
- ДХ *Nejstarší česká rýmovaná kronika tak řečeného Dalimila*. K vydání připravili akademik Bohuslav Havránek a doc. Jiří Daňhelka, ČSAV, Praha 1958.
- J Jungmann J. *Slovník česko-německý*, díl 1–5, Praha 1989.
- М Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha 1971.
- SSJČ *Slovník spisovného jazyka českého*, díl 1–4, Praha 1958–1971.